
Topsy-Turvy World

Title: Topsy-Turvy World

Author:

This is an exact replica of a book published in 1978. The book reprint was manually improved by a team of professionals, as opposed to automatic/OCR processes used by some companies. However, the book may still have imperfections such as missing pages, poor pictures, errant marks, etc. that were a part of the original text. We appreciate your understanding of the imperfections which can not be improved, and hope you will enjoy reading this book.

Book Renaissance

www.ren-books.com

ЭДВАРД ЛИР И АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ НОНСЕНСА

There was an Old Man of Port Grigor,
Whose actions were noted for vigour;
He stood on his head, till his waistcoat turned red,
That eclectic Old Man of Port Grigor.

Edward Lear *More Nonsense*.

"You are old, Father William," the young man said,
"And your hair has become very white;
And yet you incessantly stand on your head —
Do you think, at your age, it is right?"

Lewis Carroll *Alice in Wonderland*.

The nineteenth century has made one real discovery, the discovery of what are called *Nonsense Books*. They are so entirely the creation of our time that we ought to value them like electricity or compulsory education.

G. K. Chesterton *The Library for the Nursery*.

«Есть два способа вырваться из стен здравого смысла, — писал известный бельгийский критик Эмиль Каммаэртс, — либо выбить окна, либо опрокинуть вверх дном всю мебель». ¹ Вылетев в окно, мы, вместе с Питером Пэном, героем повести Джеймса Барри, попадаем во владения Волшебной сказки: перевернув мебель, — в загадочную страну Нонсенса. Разумеется, ее нет ни на одной из карт мира, но королем ее, всеми признанным и почитаемым, вот уже более века остается Эдвард Лир. В середине прошлого века, века викторианского, респектабельного и регламентированного, Эдвард Лир создал свою особую «безумную» страну со своими особыми «безумными» законами, весело и решительно отменявшими регламент и респектабельность.

Эдвард Лир прожил долгую и нелегкую жизнь. Он родился в Хайгейте в мае 1812 года, а умер в 1888 году в Сан-Ремо на

¹ Emile Cammaerts. *The Poetry of Nonsense*. London, George Routledge & Sons, (s.d.), p. 28 (нью-йоркское издание вышло в 1926 г.).

Итальянской Ривьеры. Там он провел последние годы в обществе своего старого слуги, суамота Георгио Кокали, прожившего у него около тридцати лет, и кога Фосса, увековеченного им в стихах и рисунках (Фосс умер за несколько месяцев до своего хозяина, достигнув восемнадцати лет). Эдвард был младшим сыном в семье, насчитывавшей, кроме него, еще двадцать детей: отец его играл на бирже, однако дела его пошли плохо, и он оказался в долговой тюрьме. Эдварду с юности пришлось зарабатывать себе на пропитание. В пятнадцать лет он начал работать: расписывал ширмы и веера, рисовал анатомические вывески для врачей. В восемнадцать — стал профессиональным художником. Всю жизнь он боролся с бедностью. Когда под старость ценой великих усилий ему удалось, наконец, скопить 300 фунтов, он не без иронии заметил, что отныне «ему причитается 9 фунтов годовых!». Известный писатель и художник, он продолжал беспокоиться о том, как прожить ближайшие месяцы.

Денежные затруднения были для него особенно мучительны еще и потому, что он страдал многими недугами: хронической астмой и бронхитом, нервными расстройствами, болезнью сердца, заставившей врачей рекомендовать ему абсолютный покой, ибо они опасались, что это «та самая болезнь, от которой умер его отец». Лир не слушал врачей, от всех болезней он знал лишь одно средство — работу. И работал он с энергией, какую трудно было предположить в этом слабом человеке. Нездоровье и неизлечимая «охота к перемене мест» гнали его из страны в страну. Он стал бродягой по склонности и необходимости: казалось, он не знал усталости. Он исколесил Албанию, Грецию, Корсику, Мальту, Крит, Египет, Корфу, Швейцарию, Италию, Французскую Ривьеру и мечтал посетить Новую Зеландию, Тасманию и озеро Чад. Страны, в которых он побывал, он знал досконально, ибо извездил и исходил их вдоль и поперек, нередко проделывая по пятнадцать-двадцать миль пешком до того места, где собирался писать. Простое перечисление выпущенных им альбомов достаточно красноречиво: *Views in Rome* (1841); *Excursions in Italy* (1846); *Excursions in Italy, Second Series* (1846); *Journal*

of a Landscape Painter in Southern Calabria (1852); *Views in the Seven Ionian Islands* (1863); *Journal of a Landscape Painter in Corsica* (1870).

В шестьдесят два года Лир отправился в Индию и провел там около двух лет. После первых шести месяцев он отослал в Англию «не менее 560 рисунков, больших и малых, а кроме того, 9 книжек эскизов и 4 альбома». Его «европейская» продукция также внушительна.

Лиру считали чудаком. Конечно, он и был им,— быть может, даже самым чудаковатым из чудаков, которыми по праву гордится Альбион. В 1846 году он дал двенадцать уроков рисования королеве Виктории и мог бы с успехом продолжить свою карьеру при дворе или в имениях английских аристократов; однако предпочел этому неверный хлеб свободного художника. Несмотря на бедность и тревогу о завтрашнем дне, он, если и мечтал о синекуре, то лишь в шутку: в 1863 году, когда в Греции была восстановлена монархия, он просил своего друга Фортескью “to write to Lord Palmerston to ask him to ask the Queen to ask the King of Greece to give him a ‘place’ and specially created title to be Lord High Bosh and Nonsense Producer ... with permission to wear a fool’s cap (or mitre) — three pounds of butter yearly and a little pig,— and a small donkey to ride upon.”¹

Лир жил холостяком, а о женитьбе и семье — святая святых викторианства — говорил не более серьезно, чем о своей карьере. На сорок первом году жизни он выразил уверенность, что, если женится, то будет «рисовать все менее и менее хорошо», и шутливо прибавил, что, если и решится «приковать себя», то не раньше, чем годам к шестидесяти пяти, обзаведясь до того нужным количеством ложек, вилок и прочего.

Не получив формально никакого образования в век закрытых

¹ Все цитаты из писем Лиры здесь и далее даются по изданиям: *Letters of Edward Lear*, Edited by Lady Strachey, London, T. Fisher Unwin, 1907. *Later Letters of Edward Lear*, Edited by Lady Strachey, London, T. Fisher Unwin, 1911. Эти издания были любезно присланы нам Национальной центральной библиотекой из Лондона.

школ и привилегированных колледжей, он радовался, что всю жизнь стоял «на пороге знания».

Вместе с тем Лир обладал многими, хотя и весьма необычными, познаниями и талантами: свободно говорил и писал на нескольких языках, включая древне- и новогреческий, был пейзажистом и блестящим рисовальщиком, превосходным ботаником и орнитологом, положил на музыку многие из собственных стихов и стихов своего любимого поэта Теннисона (он пел их высоким тенором, вызывая слезы слушателей). Он был истинным кладом всяческих премудростей и обладал редким даром дружбы, привлекавшим к нему людей.

К официальной религии и церкви, по мере того как шли годы, Лир относился все более и более непочтительно. Побывав на горе Афон, месте паломничества множества христиан, он с гневом обрушивается на догматизм и нетерпимость тамошних монахов — “these muttering, miserable, mutton-hating, man-avoiding, misogynic, morose and merriment-marring, monotoning, many-mule making, mocking, mournful, minced-fish and marmalade masticating Monk...”¹

Подшучивая над идеей загробной жизни, он мечтал о том, что в раю будет сидеть с самыми близкими друзьями под «деревом лотоса», опустив ноги в лазурный ручей и поедая мороженое и «пеликановый пирог», а вокруг будут резвиться райские птицы и звери.

Лир был невысокого мнения о человеческой природе и однажды сознался, что, за немногими исключениями, люди кажутся ему «ужасными идиотами». Он не любил общество и жаловался, что устал от осаждавших его «новых людей, глупых людей, бодрых людей, надоедливых людей, фанатичных людей, вульгарных людей, уродливых людей, интригующих людей, светлых людей, омбломфических² людей — вообще людей». Обществу он предпочитал небольшой круг близких друзей.

¹ Monk — т.е. monks. Лир любил изобретать собственную орфографию.

² Omblophious — слово, изобретенное Лиром.

Многое его раздражало: проповеди модных священников, кудахтанье кур, светская болтовня, толпа, шум, плохая музыка. Он относился скептически к общепринятым нормам поведения и морали. Чудачество было для него общественной позицией. эксцентризм — формой защиты личности от строго регламентированного буржуазного общества с его шкалой социальных ценностей.

Живя в имении Ноусли (Knowsley) графа Дерби, где он несколько лет рисовал огромное собрание редкостных птиц, вывезенных графом со всех концов света, он признавался друзьям, что испытывает тоску в анфиладе торжественных покоев, по которым ему «хотелось бы попрыгать на одной ножке». За этим безобидным желанием стоит гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд.

Славу Лире принесли две небольшие книжки — *A Book of Nonsense* (1846) и *More Nonsense* (1872). Он посвятил их детям и внукам графа Дерби, верным друзьям и ценителям «прыганья на одной ножке». Но после выхода в свет первой из этих книг стало ясно, что читать их будут не только дети. «Бессмыслицы» Лира сразу же прочно вошли в большую литературу, оказав немалое воздействие на ее развитие.

Другие сборники — *Nonsense Songs, Stories, Botany and Alphabets* (1871); *Laughable Lyrics* (1877) — лишь закрепили его славу «лауреата нонсенса».

Основой для первых «бессмыслиц» Лира послужили лимерики — короткие, известные с давних пор песенки, происхождение которых по традиции связывают с ирландским городом Лимериком. Там, якобы, пели их многие десятилетия во время традиционных застолий. Поначалу песни, распеваемые веселыми лимерикскими бражниками, заканчивались приглашением приехать в их родной город:

O. won't you come up, come all the way up,
Come all the way up to Limerick?

Позже бражники сократили свои песни до пяти строк и стали наперебой импровизировать их во время застолий, состязаясь в

выразительности и остроумии. Форма лимериков была строго закреплена: они состояли из пяти строк анапестом, рифмующихся по схеме aabba, причем строки с рифмой a были трехстопные, с рифмой b — двухстопные. Первая строка всегда начиналась словами: "There was a young man of...", а заканчивалась названием города, деревни или страны, с которым погом и рифмуются вторая и последняя строка (young могло варьироваться с old, man — с woman, person, lady и пр.). Лимерики рассказывали о каком-либо событии, обязательно веселом или маловероятном, или высмеивали присутствующих и знакомых.

Лир, конечно, знал эти шуточные песенки, сохраненные устной традицией; некоторые из них были изданы в 1820—21 годах издательством Маршалла. Сам Лир рассказывал как-то, что толчком для его «нонсенсов» послужил «Человек из Тобаго». Правда, самого слова «лимерики» он не употреблял — он всегда называл их «нонсенсами». Некоторые исследователи полагают, что термин «лимерик» возник лишь в 70-е годы; во всяком случае в словарях он появился лишь в 1890 году. В наше время высказывались догадки, что "limerick" есть производное от имени самого Лира (Leag + lyric) — догадки остроумные, но вряд ли верные. А кое-кто даже связывает слово «лимерик» с рыболовством — лимерикским крючком назывался рыболовный крючок "with a very peculiar bend; very catchy".

Как бы там ни было, Лир использовал форму народного лимерика. Он сохранил его основную схему, введя, однако, небольшие изменения. Он слил третью и четвертую усеченные строки в одну, объединенную внутренней рифмой, и придал особую торжественность первой строке употреблением заглавных букв. В то же время он сосредоточил свое внимание на маловероятном, необычном, отбросив все другие традиционные сюжеты лимерика.

Лир создал особый, ни на что не похожий мир, отвергавший все правила и законы «здравомыслящего» общества. В этом мире не ходят в церковь, не помышляют о спасении души, не признают общественных различий, не благотворительствуют, не мечтают о деньгах, званиях, чинах, выгодных женитьбах и связях, не

лицемерят, не подличают, не боятся смерти, не унижаются перед властью имущими, не дрожат перед тем, что скажут соседи. Здесь люди заняты самыми «основами» бытия — они едят, пьют, спят, ловят рыбу, бегают, прыгают, умирают и воскресают. Материальные основы бытия осмысляются тут весело и гротескно. Если едят — то лук с медом, или кашу с мышами, или только булочки и пирожки; а не то — тысячи фиников или пауков с пылью. Если пьют — то один лишь настой александрийского листа или горячее пиво. Заболев чумой, вылечиваются сливочным маслом; спят — на столе. Упав с лошади и разбившись пополам — воскресают, склеив половинки клеем, а свалившись в котел с кипящим бульоном — вылезают из него живыми и невредимыми. Герои Лира совершают множество необъяснимых поступков: сидят на вершинах пальм, бегают вверх и вниз по горам, живут в банках и сундуках, на суше ведут себя словно на море, а на море — словно на суше. Они не отделяют себя от природы: птицы вьют гнезда в их бородах и отдыхают у них на носках и шляпах, они танцуют с вóронами, улыбаются коровам, беседуют со свиньями. Они любят музыку, но чтением занимаются редко и всегда с печальным исходом: почитав, стоя на одной ноге, Гомера, бросаются в пропасть, а потеряв Витрувия, сгоревшего в пламени Везувия, берутся за крепкие напитки. (Возможно, неслучайно такая судьба постигает у Лира Витрувия, римского искусствоведа и архитектора эпохи Августа, выступавшего против гротеска в живописи).

Внешность их под стать их поступкам — головы то огромные, то крошечные, с булавоочную головку, а то и просто квадратные, носы такие длинные, что приходится нанимать для них носильщиков; глаза разного размера и цвета. Они щеголяют то в женских одеждах, то в мешковине. Птенцы и щенки вырастают у них на глазах до гигантских размеров, коровы взбираются на деревья, мебель встает вверх тормашками. Все это подчеркнуто земное, связанное с физическим бытием, складывается в веселую гротескную картину бытия. Нонсенсы Лира — это вечный праздник, солнце и непрерывный карнавал, где на свет то и дело выскакивают самые неожиданные маски.

Лир стоит особняком в истории не только английской, но и

европейской литературы XIX века. Конечно, у него, как у всякого писателя, есть своя литературная родословная. Где-то в самом ее начале — безымянные народные певцы, веселые безумцы, у которых коровы прыгали через луну, земляника росла на дне моря, а мудрецы ловили неводом в озере луну. В смехе лировских масок слышится порой и далекий отзвук буйного карнавала Ренессанса, шутовской звон его бубенцов. Впрочем, все это отдается слабым эхом, карнавал «переживается наедине».¹ Гораздо ближе Лиру гротеск романтический. Он хорошо знал и любил английских просветителей — до конца дней возил он с собой, например, томик «Зрителя» Стиля и Аддисона. Однако известные стороны Просвещения, подхваченные в XIX веке эпигонами-морализаторами, — узкая рассудочность, дидактизм, утилитаризм — находят в его творчестве пародийное освещение. «Нонсенсы» Лира и есть, в первую очередь, атака на назидательную, постную, пуританскую литературу начала века. Это и роднит Лира с романтиками. Конечно, Лира трудно сравнивать с Байроном или с Кольриджем, слишком различны они по самой сути их творчества. С Чарльзом Лэмом или с Томасом Гудом точек соприкосновения гораздо больше; но соблазнительнее всего сопоставить Лира с немецким романтиком, умершим, когда Лира было всего десять лет, — Эрнстом-Теодором-Амадеем Гофманом. Неизвестно, был ли Лир знаком с его гротесками — собственно, в данном случае это и неважно, ибо речь идет не о влиянии и заимствовании, а о некоем типологическом сходстве. Английской гофманианой малого жанра можно было бы назвать «нонсенсы» Лира. Сходство усугубляется тем, что и Лир и Гофман были прекрасными рисовальщиками и сами иллюстрировали многие из собственных произведений. Специалисты считают Лира основателем графического гротеска: отступая от доскональ-

¹ М. Бахтин. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», Издательство «Художественная литература», М., 1965, стр. 44. См. также «Введение в характеристику романтического гротеска», с которым творчество Лира обнаруживает ряд сходных черт (стр. 43—52).

ной точности и верности натуре, присущей его «профессиональным» рисункам, смело вводя элементы примитивизма и «детскости», он проявлял удивительную выдумку и фантазию. За Лиром последовала целая плеяда юмористов-рисовальщиков: среди них имена таких известных писателей, как Льюис Кэрролл, У. М. Теккерей, Г. К. Честертон, иллюстрировавший не только свои собственные книги, но и книги своих друзей Х. Беллока и Е. Кларихью Бентли, Хэрри Грэм, автор «Безжалостных стихов для бессердечных семейств» (*Ruthless Rhymes for Heartless Homes*), и другие. Исследователи отмечают, что во всех этих рисунках, так же как и в иллюстрациях Лира, царит дух веселья и свободы.

Юмор по самой своей сути трудно поддается рациональному объяснению, вечно «танцует», по словам Честертона, «между осмысленным и бессмысленным»; более чем к кому-либо это относится к Лиру. Юмор Лира возникает на стыке двух искусств — словесного и изобразительного;¹ любое из них, взятое отдельно, не дает полного представления о его таланте. В своих «нонсенсах» Лир подчеркнуто скромен и прост: в них почти нет каламбуров, а выисканные словесные образы и сложные конструкции и вовсе отсутствуют. А ведь Лир — мастер словесной игры; он обыгрывает различное написание и звучание слов. К своему другу Фортестью (Fortescue) он обращается в письмах как к «40sue»; он называет Mary Queen of Scots — “Mary Squeen of Cots”, предвосхитив тем юмористический прием, получивший распространение много позже и названный «спунеризмом» (spoonerism);² в его письмах появляются “German, Gerwoman and Gerchildren”, маленького жирафа он называет “Geraffino”, Лондон — “Foggoropolis”, Гарриет Бичер-Стоу — “Mrs. Beecher’s Toe”, а для гиппопотама изобретает новое множественное число “hip-

¹ К сожалению, размеры данной статьи не позволяют нам остановиться подробнее на рисунках Лира. Сошлемся поэтому на книгу: A. Davidson, *Edward Lear, Landscape Painter and Nonsense Poet (1812-1888)*, L., Murray, 1968, pp. 186-188.

² «Автор» этого приема, достопочтенный Уильям Спунер (William Spooner, 1844-1939) был ректором Нью-Колледжа в Оксфорде.

potanice". Он востает против традиционного английского правописания и, предварив Шоу с его «орфографией», пишет: yott (yacht), monx (monks), Korn (corn), bak (back), buzzim (bozom), omejudly (immediately), mewtschool (mutual), gnoat (note) и пр. Он с необычайной легкостью и изобретательностью наизывает один на другой каламбуры: politician под его пером превращается в "Polly Titian", а из Дели (Delhi) он пишет, что вот уже десять дней, как он занят "a making Delhineations of the Delhicate architecture as is all impressed on my mind as inDelhibly as Delhiterious quality of the water in that city."

В своих «нонсенсах» Лир также порой «играет» с английской орфографией или вставляет «глупые» каламбуры: roker рифмует с oker (ochre); заставляет некую даму из Тира извлекать из арфы чарующие звуки не столько перстами, сколько метлой (sweep). Однако гораздо чаще Лир, воспроизводя в последней строке первую, незаметно вводит в нее некий оценочный эпитет, слегка «сдвигая» его смысл.

There was an Old Man who supposed,
That the street door was partially closed;
But some very large rats ate his coats and his hats,
While that *futile* old gentleman dozed.

Конечно, можно найти объяснение «безнадежности» этого старика, однако такое употребление эпитета "futile" явно отличается от общепринятой нормы.

Одно из любимых словечек Лира — tuncible (обычно оно употребляется в сочетании tuncible spoon, что означает особую вилку с тремя широкими зубцами, один из которых острый; служит для раскладки солений и закусок). Лир пользуется им расширительно — tuncible hat, tuncible face, — создавая тем самым особый юмористический эффект. Не менее часты у Лира слова-эхо: "an earnest token of their sincere and grateful infection" слегка, словно эхо, искажает само собой разумеющееся "affection". Эти «искажения» не вызвали протеста: напротив, в их защиту выступили крупные лингвисты. Эрик Партридж, известный английский лексикограф и этимолог, прямо заявляет: "Edward Lear